

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

*Натан Гарделс
Исайя Берлин*

ДВЕ СТОРОНЫ НАЦИОНАЛИЗМА

Гарделс: Если воспользоваться словами покойного Гарольда Исаакса, автора "Племенных идиологов", можно сказать, что сегодня мы являемся свидетелями бурного брожения среди народов. В Югославии бушует открытая межнациональная война, а СССР вследствие усилий воскресших национальных республик распался. Новый мировой порядок, фундамент которого составили развалины берлинской стены, переживает судьбу вавилонской башни. В чем причины национализма? Из чего возникает это бурное брожение?

Берлин: Вавилонская башня была унитарным понятием: огромное — до неба — сооружение, строители которого говорили на одном языке.

Гарделис: Что было противно Богу.

Берлин: Мы можем только радоваться, что деспотизм советской вавилонской башни рухнул, хотя это, может быть, чревато огромными опасностями. Я имею в виду острейшие столкновения национализма различных наций. В этом, к сожалению, нет ничего нового.

В наше время речь идет не о воскрешении национализма. Он никогда не умирал. И расизм не исчезал. Это два наиболее сильных движения в современном мире, и они существуют в самых разных общественных системах.

Никто из великих мыслителей XIX века этого не предвидел. Сен-Симон предсказал роль промышленников и финансистов. Фурье, утверждавший, что если будет изобретено небьющееся стекло, то стекольщики лишатся

работы, предсказывал "противоречия капитализма". Якоб Буркхардт предвещал возникновение военно-промышленного комплекса. Из написанного Марксом мало что подтвердилось жизнью; исключением, правда, является сформулированный им принцип влияния способа производства на культуру. Крупный бизнес и классовые конфликты являются следствием изменений способов производства.

Все эти мыслители, однако, считали, что главной проблемой XX века явится имперский характер великих держав. Но когда эти тиранические конгломераты — Британская империя, Австро-Венгрия, Российская империя — будут разрушены и когда будет ликвидирован колониализм, то ранее угнетавшиеся нации станут жить в мире друг с другом, будут плодотворно и творчески выполнять свое историческое предназначение. Увы, они ошибались.

Хотя самые либеральные философы XIX века были яркими противниками эксплуатации "темных масс" имперскими государствами, никто из них не думал, что негры, индусы и азиаты когда-либо создадут свои государства с парламентами и армиями — в этом вопросе все они были евроцентристами.

По-моему, все изменилось после русско-японской войны 1904-1905 гг. Победа азиатской нации над европейской державой стала для индусов, африканцев и представителей других неевропейских народов своего рода шоком, но в то же время мощным стимулом развития идей антиимпериалистической борьбы и национальной независимости. В XX веке в Азии и в Африке — в Индокитае, Египте, Алжире, Сирии, Ираке — никакое левое движение, если оно не было связано с национальным, не могло рассчитывать на успех. Совершенно другое дело неагрессивный национализм. Корни этой идеи уходят в творчество очень влиятельного немецкого поэта и философа XVIII века Йогана Годфрида Гердера.

Собственно говоря, именно Гердер открыл идею собственности. Он был убежден, что люди ощущают необходимость принадлежать к той или иной группе в

такой же степени, в какой они должны есть и пить, и так же, как они нуждаются в гарантии безопасности и свободе передвижения. Когда у людей нет такой идентификации, они чувствуют себя одинокими, отчужденными, униженными, несчастными. Гердер считал, что ностальгия — самая благородная боль. Чтобы быть человеком, быть человеческим, необходимо где-то чувствовать себя дома, принадлежать к группе людей, подобных себе.

Любой группе, говорил Гердер, свойствен ее собственный "народный" или "национальный" характер ("volksgeist" или "nationalgeist") — т.е. комплекс обычаев, образ жизни, характер восприятий и поведения, ценность которых именно в том, что все это характерно для данной группы людей. Культурная жизнь, в свою очередь, формируется особой традицией, основанной на коллективном историческом опыте членов данной группы: тот, кто сам не наблюдал за столкновениями храбрых мореплавателей с бурным Северным морем, не может прочувствовать великие саги скандинавских народов.

Национальная идея Гердера лишена агрессивности. Она основана только на культурном самоопределении и отрицает превосходство одной нации над другой. Гердер верил в разнообразие национальных культур и в то, что все они могут жить в мире. Он считал преступниками великих завоевателей, таких как Александр Великий, Цезарь и Карл Великий, потому что они подавляли самобытные культуры. Гердер умер, не увидев полных последствий наполеоновских побед, но поскольку они подорвали господство Священной римской империи, он, вероятно, простил бы ему их.

Только самобытное было для него подлинной ценностью. Поэтому Гердер был противником французских универсалистов эпохи просвещения.

Гарделс: Однако "volksgeist" Гердера перерос в "третий рейх". А сегодня сербский "volksgeist" находится в войне с хорватским; уже давно воюют армяне с азербайджанцами, грузины выступают против русских, и даже украинцы не в мире с русскими — страсти бурно кипят.

Чем это вызвано, что трансформирует стремление к культурному самоопределению в национальную агрессивность?

Берлин: Я когда-то писал, что раненый "дух нации" можно сравнить с пригнутой веткой. Она согнута с такой силой, что когда она освобождается, то выпрямляется с такой же силой. На Западе национализм формировался под определенным давлением. Что же касается Восточной Европы, то сегодня это открытая рана. После стольких лет угнетения и унижения неизбежно должна была наступить контрреакция, взрыв национальной гордости, что часто приводит к агрессивности освобожденных наций и их вождей в их стремлении самореализоваться.

В наши дни грузины, армяне и другие народы стремятся к реставрации своего прошлого, которое русская имперская власть стремилась предать забвению. Армянская и грузинская литературы выжили. Исаакян и Яшвили были талатливыми поэтами. Сделанные Пастернаком переводы стихов Важи Пшавели и Табидзе великолепны. Сталин стремился уничтожить эту литературу. Когда в 1939 г. Риббентроп посетил Сталина, тот подарил ему немецкий перевод грузинского эпоса XII века — "Витязь в тигровой шкуре" Шота Руставели. Но знал ли кто-либо на Западе более поздние художественные произведения? Такая ситуация неизбежно порождает контрреакцию огромной силы. Люди не хотят больше быть чьей-то портянкой, они не хотят, чтобы ими кто-то командовал, будь то доминирующая нация или класс-гегемон. В определенный момент они неизбежно начинают формулировать вопросы, имеющие отношение к национальной проблеме: "Почему мы должны им подчиняться?", "Кто дал им право требовать нашего послушания?", "Как мы должны реагировать на это?", "Почему мы сами не можем...?"

Гарделс: Эти ранее согнутые, а ныне с силой расправляющиеся ветки могут окончательно изменить сложившийся в мире порядок в идеологическом отношении. Ликвидация советской системы может стать последней

стадией процесса демонтажа идеалов единства, универсализма и либерального рационализма эпохи просвещения.

Берлин: Я думаю, именно так и будет. Россия — самая подходящая страна для иллюстрации искаженного понимания идей просветителей. Большинство русских "западников", для которых французские просветители XVIII века были ярким примером, восхищались ими потому, что западные просветители выступали против церкви, против реакционных тенденций, против фатализма. Вольтер и Руссо были для них героями, потому что твердо отстаивали разум и право на свободу, выступая против реакции.

Однако даже радикальный писатель Александр Герцен, которым я глубоко восхищаюсь, не воспринял представлений Кондорсе о познавательной сверхвременной правде. Герцен считал, что идея непрерывного прогресса является иллюзией, и отвергал новых кумиров, новые жертвенные алтари для жертвоприношений таким абстрактным понятиям как "класс", "единственно верная политика партии" или "исторический прогресс"; он был против жертвования настоящим ради неизвестного будущего, в котором будет найдено какое-то гармоническое решение.

Герцен воспринимал любые увлечения единством и универсализмом с большим подозрением. Для него Англия была Англией, Франция Францией, а Россия Россией. Различия между этими государствами не могут быть стерты, и потому не следует пытаться это сделать. Цель жизни — сама жизнь. Для Герцена, как и для Гердера и для итальянского философа Джиабатиста Вико, национальные культуры несоизмеримы. Хотя они этого и не говорили, но из этого вытекает, что поиски абсолютной гармонии, совершенного состояния являются иллюзией, а иногда и фатальной ошибкой.

Кстати, более всех верили в универсализм марксисты: Ленин, Троцкий и другие ведущие большевики считали себя учениками просветителей, откорректированных и актуализированных Марксом.

Казалось, что Сталин ценой миллионов человеческих жизней, наконец-то, подавил проявления национального сознания и спас этнический Вавилон от отжившего свой век, по мнению марксистов, стремления к удовлетворению амбиций отдельных наций. На деле же Сталин загнал национализм в гроб, но не уничтожил его. Как только надгробный камень был сдвинут, национализм поднялся из могилы и мстит за себя.

Гарделс: Можно сказать, что Гердер был критиком французских просветителей "по горизонтали", поскольку он верил в исключительность всех культур. Однако Джиабатиста Вико выступал против универсализма идей просвещения, исходя из "вертикального" исторического аспекта. Как вы уже говорили, Вико был убежден, что каждая культура уникальна и поэтому несоизмерима с остальными.

Берлин: Они оба отрицали идею просветителей о тождественности ценностей для всех людей и всех стран. Для них, как и для меня, плюрализм культур — понятие, не подлежащее сомнению.

Гарделс: Только в воображении можно представить, как проходило бы развитие в XX веке, если бы умами людей овладели идеи Гердера и Вико, а не французских философов, Гегеля и Маркса.

Берлин: Но как бы это могло случиться? В XVIII веке универсализм был доктриной ведущей нации, Франции. Все стремились подражать блестящей французской культуре. Кроме того, это было время расцвета естественных наук, эмфатического изучения законов вселенной и природы как организма или машины, использования научных методов и в других областях. Тогдашнее мышление характеризовалось именно таким подходом. Бурное развитие техники и экономики в XIX веке, обусловленное этими идеями, изолировало интеллектуальное течение, к которому принадлежали такие мыслители, как Вико и Гердер, оперировавшие понятием качества, а не количества.

Настроения того времени иллюстрирует событие, о котором рассказал Якоб Талмон в одной из его книг. Он привел высказывание двух чешских педагогов начала XIX века: " Мы, вероятно, одни из последних в мире людей, говорящих по-чешски. Наш язык исчезает. Здесь, в Центральной Европе, все заговорят по-немецки, и то же, вероятно, произойдет на Балканах. Мы последние из тех, кто сохраняет родную культуру". Разумеется, сегодня окружены почетом имена тех, кто занимался сохранением национальных культур.

Гарделс: Вы хотите сказать, что балканизация является положительным явлением?

Берлин: Когда я говорю о балканизации, я имею в виду множество малых наций, исполненных национального чванства, злобы и зависти, подстрекаемых демагогами и передравшихся, как это было около 1912 г. Это очень печальная перспектива.

Гердер же верил, быть может, немного наивно, что общество в состоянии развиваться спокойно, ненасильственным путем, следуя своему предназначению, без зависти и враждебности по отношению к другим нациям, которые, со своей стороны, ведут себя так же — в атмосфере полного взаимопонимания. В это верил и великий итальянский патриот XIX века Джузеппе Мадзини.

Гарделс: Действительно ли влияние тоталитарной деспотии столь глубоко, что делает такое развитие невозможным?

Берлин: Вацлав Гавел вам скажет, что чехи не имеют агрессивных устремлений. Он такой же культурный либерал, каким был Томаш Масарик, основатель современной Чехословакии. Я уверен, что в Польше Адам Михник и Бронислав Геремек думают так же. Я хотел бы верить, что то же можно сказать и о Лехе Валенсе и Борисе Ельцине. Однако вероятность этнических конфликтов в этой части мира огромна.

Гарделс: Какая политическая структура могла бы соответствовать этому новому периоду культурного самоопределения, способствовать сохранению свободы и предупреждению возможного кровопролития?

Берлин: Сегодня необходимо культурное самоопределение без каких-либо политических рамок. И не только для Востока. В Испании имеются баски и каталонцы, в Британии — Северная Ирландия, в Канаде — Квебек, в Бельгии фламандцы, в Израиле — арабы и т.д. Кто прежде мог себе представить национализм бретонцев или шотландскую национальную партию?

Такие идеалисты как Гердер, по-видимому, о такой проблеме вообще не думали. Они ненавидели Австро-Венгерскую империю за то, что она силой объединяла несовместимые целые.

Глядя на Восточную Европу, действительно можно прийти к заключению, что там никто никого другого не любит. Но это совершенно иной феномен. На Западе нечто такое представляют ирландцы.

В Америке многие этнические группы сохранили элементы культуры страны, из которой они вышли, и там это никому не мешает. Итальянцы, поляки, евреи, корейцы выпускают свои газеты и книги. У них даже есть свои телевизионные программы.

Гарделс: Вероятно, когда эмигранты покидали свою страну, они сохранили свой "volksgeist" в обостренной форме. И не следует забывать, что именно в академической среде Америки возникло движение нового мультикультурализма, которое подчеркивает не то, что является общим, а то, что является особым, чего нет в учебных программах.

Берлин: Да, я знаю. Изучение негритянской, пуэрториканской и других культур. Это тоже обратная реакция меньшинств, которые не чувствуют себя равными в контексте американской культуры. Но мне кажется, что общая культура, в которой нуждается каждое общество, де-

зинтегрируется в результате стремления включить этнические или другие аспекты в критерии национальной идентификации. Полиэтнизм не был идеей Гердера.

Для Гердера раса или происхождение не имели значения. Он говорил лишь о языке, о земле, об общей памяти и традициях. Его основная идея, как мне однажды объяснил мой друг черногорец, состоит в том, что одиночество — это не отсутствие других людей, а прежде всего проблема жизни среди людей, которые тебя не понимают. В действительности же люди могут понимать друг друга, лишь если они принадлежат к сообществу, члены которого связаны ненасильственно, можно даже сказать инстинктивно.

Гердер вряд ли приветствовал бы типичное в прошлом для Вены смешение культур. В этом городе на маленьком пространстве смешалось много национальностей. В нем проявили себя многие талантливые люди, среди которых было немало страдавших сильным неврозом. Вспомним хотя бы Густава Малера, Людвиг Витгенштейна, Карла Крауса, Арнольда Шейнберга, Стефана Цвейга и рождение психоанализа в этом в значительной мере еврейском, т.е. особенно незащищенном сообществе.

Такое смешение не очень совместимых культур — славяне, итальянцы, немцы, евреи — обусловило бурный расцвет творческой деятельности. Это создавало иную картину культурного самовыражения, нежели та, которая была характерна для Вены времен Моцарта, Гайдна и Шуберта.

Гарделс: В дискуссиях с квебекскими сепаратистами Пьер Трюдо часто ссылался на высказывания лорда Актона. Тот чувствовал, что там, где политические границы тождественны национальным, свободе неизбежно угрожал шовинизм, ксенофобия, расизм.

В федеральной республике только закрепленные в конституции права личности — равные гражданские права для всех, независимо от национальности — могут защитить меньшинства и индивидуумов. "Теория национальной принадлежности, — цитировал Трюдо Актона, — является шагом назад".

Берлин: Лорд Актон был благородным человеком, и я согласен с ним. Однако мы должны признать, что несмотря на все усилия Трюдо, жители Квебека продолжают стремиться к независимости.

Вообще-то мы должны признать и то, что средневековые, несмотря на монополию королевской и церковной власти и ее авторитет, было в определенном смысле более цивилизованным, чем чрезвычайно беспокойный XIX век, не говоря уже о намного худшем XX веке — грозном столетии, которое ознаменовалось массовыми проявлениями насилия, шовинизма и, наконец, массовым террором во времена Гитлера и Сталина. Конечно, в средние века тоже возникали этнические конфликты — тогда преследовали евреев и еретиков, но национализм как таковой не существовал. Войны происходили между династиями. Но существовала универсальная церковь и общий латинский язык.

Мы не можем повернуть историю вспять. Но я продолжаю верить, что разумный, спокойный, многокрасочный мир — не утопия, и что в таком мире все его составные части будут развивать свою культурную самобытность и будут терпимы по отношению друг к другу.

Я признаю, что в конце XX века ничто не подтверждает возможность построения такого мира.

Мне 82 года, я почти ровесник нынешнему столетию, самому худшему столетию европейской истории.

За мою жизнь произошли события более страшные, чем когда-либо ранее. Вероятно, страшнее, чем во времена гуннов.

Мы должны лишь надеяться, что когда нации устанут воевать между собой, кровь перестанет литься.

Не вызывают тревогу только благополучные страны, которые либо пережили травм такого рода, либо излечились от них — это либеральные демократии Северной Америки, Западной Европы, Австралия, Новая Зеландия и, будем надеяться, Япония.

Гарделс: Эти два мира, вероятно, будут существовать параллельно, рядом друг с другом — цивилизация, имеющая твердую почву под ногами, и цивилизация сателлита.

Но, с другой стороны, не создали ли эти благополучные нации взамен безумного национального раскола свой особый потребительский мир, мир массовой культуры? Не станет ли именно это той ценой, которую человечество заплатит за мирную интеграцию?

Берлин: Унификация, несомненно, будет увеличиваться в результате дальнейшего развития техники — мы это видим на примере американизации Европы. Кое-кому это весьма не нравится, но, по-видимому, этот процесс остановить нельзя.

С другой стороны, вероятно, возможно политическое и экономическое единообразие при наличии самых разнообразных культур, как это было в Австро-Венгрии. Я полагаю, это может произойти в будущем. Определенная степень унификации "удовлетворенных наций" в сочетании с приемлемым уровнем миролюбивого разнообразия. Я признаю, однако, что в настоящее время наблюдается совершенно противоположная тенденция.

Гарделс: А что вы думаете о новом кодексе общих для всех ценностей — я имею в виду экологические проблемы и права человека? Может ли такой кодекс в определенном смысле объединить все эти рьяно завоевывающие свое место культуры, не стесняя при этом их развития?

Берлин: Вряд ли сейчас существует какой-то минимум ценностей, которые могли бы стать надежной гарантией для всего мира. Следует, однако, надеяться, что придет время, когда будет принята достаточно объемная шкала общих ценностей, о которых вы говорите. Иначе все закончится весьма грустно. Без минимума общепризнанных ценностей, способных сохранить мир, порядочное общество выжить не сможет.

Гарделс: Вы считаете, что либеральная мечта о космополитизме, о всемирном гражданстве в благополучном мире уже не актуальна?

Берлин: Я, как и Гердер, считаю всемирное гражданство нелепостью. Люди не могут развиваться без принадлежности к какой-то определенной культуре. Даже те, кто этому сопротивляется и настойчиво старается это изменить, все равно принадлежат к какому-то течению, к какой-то традиции. Могут, разумеется, возникать новые течения — на Западе такими были в свое время христианство, лютеранство, Возрождение, романтизм. Но источником всех этих течений, в конце концов, была одна речка, они питались единой главной традицией, которая, иногда радикально изменяясь, остается бессмертной.

Если все эти источники и течения высохнут, и возникнет общество, в котором люди не являются продуктом определенной культуры, не имеют родственников и близких, не чувствуют близости именно к каким-то определенным людям, а не к другим, и не имеют родного языка, то возникнет угроза засухи и исчезновения всего того, что делает человека человеком.

Гарделс: Можно тогда сказать, что для вас апостолы культурного плюрализма Вико и Гердер являются философами будущего?

Берлин: Да, в том смысле, что все мы в определенной степени несем на себе отпечаток ценностных различий. Начиная с древних времен и иудеев, христианского средневековья и вплоть до эпох Возрождения и Просвещения в XVII и XVIII веках, уникальность, единственность были признанной ценностью. Правда только одна. В многообразии таится обман.

Многообразие — это новая ценность, которая возникла в период романтизма, когда Гердер и Вико, которых я считаю провозвестниками разнообразия, играли весьма существенную роль. Позже разнообразие, многосторонность, плюрализм (который допускает наличие множества несовместимых идей, приобретших сторонников), подлинность (что не всегда тождественно с правдой или добродетелью) стали рассматривать как

ценность и добродетель. Как только плюрализм становится образом жизни и совмещается с взаимным уважением между различными и несогласующимися взглядами, трудно представить, что какая-то чудовищная машина может все это разрушить и стереть с лица земли.

Разрешите мне бросить пророческий взгляд, скажем, в XXV век — по примеру Алдоса Хаксли в его "Прекрасном новом мире", книге менее драматической, нежели "1984" Оруэлла. Возможно, когда-нибудь, на переломе следующего тысячелетия, такой прекрасный новый мир и будет установлен, отчасти как неизбежная реакция на бесконечные межнациональные конфликты и соперничество. В этой системе каждый будет одет и обут и все будут жить под одной крышей и в соответствии с едиными правилами.

Но рано или поздно кто-то начнет сопротивляться, кто-то начнет требовать своего пространства. К нему присоединятся другие. Люди поднимут бунт не только против тоталитаризма, но и против всеохватывающей, доброй и ласковой системы.

Если я в моем возрасте в чем-то уверен, так это в том, что люди рано или поздно начнут выступать против унификации и попыток найти решение, единое для всех.

Таким бунтом против претензий универсальной власти была реформация. Так рухнуло господство Священной Римской империи над обширными территориями. Такая же судьба постигла Австро-Венгерскую империю. Солнце закатилось и над Британской империей. Теперь наступила очередь советской империи.

Есть русская сказка о султানে, который решил наказать одну из своих жен за какой-то проступок и приказал запереть ее в бочку вместе с сыном и бросить в море на произвол судьбы. Какое-то время спустя сын сказал матери: "Я не могу больше быть скрюченным. Я должен выпрямиться". "Этого нельзя делать, — сказала мать. — Ты разобьешь дно, и мы утонем". Через некоторое время сын снова сказал, что ему нужно распрямиться. Мать его умоляла: "Упаси Боже, не делай этого, мы утонем". Однако сын ответил: "Я должен выпрямиться хоть раз, а потом будь что будет". На миг он обрел свободу и погиб.

Русский радикал Герцен блестяще применил эту притчу к русскому народу. Рано или поздно, говорил он, русский народ вырвется к свободе, а потом — будь что будет.

Гарделс: Во время Гердера мы могли бы и не понять скандинавскую сагу, если мы сами не испытали беснования Северного моря. Но в наше время благодаря телевидению молодежь Гон-Конга, Москвы, Лос-Анджелеса может одинаково восторгаться концертом Мадонны. Что же представляет собой культурное самоопределение в такие времена?

Берлин: Все остается по-старому. Прежние различия проявляются по-прежнему. Молодые люди из Бангкока или Вальпараисо слушают Мадонну по-разному. Отличается и язык жителей полинезийских и микронезийских островов. Это относится и к Кавказу. Если вы думаете, что на смену множеству языков придет единый универсальный язык — не для особых научных, политических или коммерческих целей, а для передачи оттенков, эмоций, для выражения внутренней жизни, то вы должны сознавать, к чему это привело бы: это не означало бы создания общемировой единой универсальной культуры, это означало бы смерть культуры. Я рад, что мне уже больше восьмидесяти лет.